

СЕРГЕЙ ТАРАСОВ

***Спрятанные
самоцветы***

Сергей Тарасов

Спрятанные самоцветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70674592

SelfPub; 2024

Аннотация

Я запнулся о какой-то камень, который лежал в густой траве, а когда перевернул его носком своего кирзового сапога, понял, что это был розовый топаз – очень редкий и дорогой уральский самоцвет. Это была хорошая находка. Но настоящее сокровище меня ожидало впереди...

Сергей Тарасов

Спрятанные самоцветы

Наш геологический отряд остановился в самом сердце самоцветных месторождений Урала – в селе Мурзинка. Отсюда мы разъезжались по нашим маршрутам, и я хорошо помнил, как мне приходилось проезжать по старым, заброшенным деревням и селам, в которых каких-то пару столетий назад бурлила жизнь, – многочисленные артели искали и находили месторождения самоцветов, которые потом оказывались в многочисленных музеях нашей страны и за рубежом.

Мне хотелось пройтись по этим заброшенным домам, узнать быт горняков, попытаться найти в одном из домов камни, добытыми в пегматитовых жилах забытых сейчас месторождений. Очень давно, когда эти месторождения были только найдены, многие, особенно большие кристаллы валялись во дворах горных рабочих – ими подпирали двери, ставили в качестве груза на соленья – их не спешили покупать перекупщики, и они пылились в огородах и дворах.

Но день проходил за днем, работы было много, и я проезжал мимо заброшенных, утопающих в зарослях малины, чертополоха и крапивы бревенчатых домов, смотрел на них из окна машины. Мне было печально смотреть на эти умирающие дома, в которых когда-то жили старатели, искатели

самоцветов, которые трудились всю свою жизнь в шахтах, и благодаря их тяжелому труду Урал стал так знаменит – это они нашли и разрабатывали ставшими известными на весь мир месторождения уральских самоцветов.

Хорошая погода, которая стояла несколько недель, позволившая нам пройти многокилометровые геологические маршруты в этом замечательном горнорудном районе, закончилась. На следующее утро начался проливной дождь, и все геологи с рабочими вынуждены были остаться дома – начались активированные дни, за которые мы так же получали зарплату, но сидели в палатках и занимались обработкой данных.

Хорошо было рабочим – они сразу завалились спать, а после обеда сели в кружок и стали играть в карты и в шахматы. Геологам надо было привести свои полевые книжки в порядок, посидеть за образцами и пробами, а уж потом можно было заняться личными делами. Я закончил приводить свои полевые книжки только к обеду. После обеда особых дел у меня не было, и я пошел к начальнику – выпросил у него один уазик, чтобы проехать до одной из заброшенной деревеньки.

До нее было километров десять, и он кивнул своей головой в знак согласия. Водители тоже не любили сидеть без дела, поэтому один из них, самый молодой и любознательный парень с радостью отправился прогревать мотор своего уазика.

До деревни мы доехали быстро. Я надел на себя брезентовый плащ, взял геологический молоток с радиометром и отправился к крайнему дому. Он уже был без крыши и без пола – все сосновые доски сгнили, остались лишь лаги, под которыми виднелось неглубокое подполье. Но его фундамент, сложенный гранитами с редкими пегматитовыми прожилками выглядел как новый, и мог послужить не одному поколению.

Но поколения не было – старики от тяжелой работы в шурфах и шахтах уже умерли, а вся молодежь разъехалась по городам, и никто из них не стал добывать аметисты и бериллы, которыми прославился этот район. Это было тяжелым и ежедневным трудом, – искать новые пегматитовые жилы, а потом в темноте и тесноте штреков шахт выискивать в них занорыши, в которых спрятались от любопытных глаз драгоценные кристаллы.

Я обошел дом с включенным радиометром, затем прошел с ним внутри дома, и ничего не обнаружил. В огороде, заросшем молодыми березками, тоже не было аномалий, и мне надо было переходить к следующему дому. На единственной улице этой деревни стояло около двадцати уцелевших домов. Мне стало не по себе, когда я представил объём работы, если бы я с радиометром обошел каждый уцелевший дом с огородом. Поэтому я вышел на середину заросшей крапивой улицу и стал разглядывать дома.

Один из домов была пятистенка, с тесовой крепкой кры-

шей, крепкими и высокими воротами. Обычно в таких домах жили преуспевающие горные мастера, или горные рабочие, которым везло при поисках и добыче самоцветов.

Надо было осмотреть в первую очередь этот дом, там более на срубе у него была жестяная табличка страхового общества «Якорь», которое страховало от пожаров деревенские дома. Ворота были закрыты, но я проник во двор через палисадник, соединяющийся с огородом. Калитка из двора в огород была полуоткрыта, и я зашел во двор. Он был в полном порядке – на земле, вместо сосновых плах лежали грубоотесанные гранитные плиты, а сараи во дворе, хотя были старыми, но выглядели хорошо.

Сразу можно было сказать, что в этом доме жил трудолюбивый, и скорей всего, небедный хозяин. Я прошел в сумрачные сени, где была дверь в кладовку, или чулан, и очутился в горнице. Грубо сколоченная мебель и скамьи остались на своих местах, даже железная широкая кровать оказалась на своем месте. Никаких достойного внимания домашних вещей здесь уже не было. Даже в переднем углу не было ни одной иконы, – наверное, их растащили задолго до моего появления, когда в 80-е годы был настоящий бум на иконы и любители старины обследовали каждый заброшенный дом.

Мне не нужны были иконы и старые вещи, имеющую музейную ценность. Меня интересовали самоцветы, которые как деньги на черный день прятал каждый горный рабочий, работая в шахте, или на карьерах. Я прошел по всему дому с

радиометром, потом одел наушники и стал обследовать чулан, кладовку и сени. Никакого повышения гамма-активности мой радиометр не зафиксировал. Во дворе и старых сараях тоже был фон. Остался огород. Там тоже, как и в огороде предыдущего дома росли молодые березки и осины, и тоже были фоновые значения радиоактивности. Уже выходя из огорода через калитку во двор, я запнулся о какой-то камень, который лежал в густой траве.

Я перевернул его носком своего кирзового сапога, и лучи заходящего солнца отразились от камня. Это был кристалл, довольно большой, судя по его размеру и весу. Я нагнулся и протер одну из граней. Кристалл был на самом деле розоватого цвета, только очень грязный, и, судя по всему, это был розовый топаз – очень редкий и дорогой уральский самоцвет. Это была хорошая находка. Но настоящее сокровище меня ожидало впереди, когда я решил осмотреть с радиометром подполье, вход в которое было в горнице.

Люк долго не поддавался на мои уговоры открыться. Потом мне надоело его дергать, я сходил к машине, взял у водителя монтировку, вставил ее в щель между люком и полом и как следует надавил. Из распахнувшегося люка пахло сыростью. Лесенки там не было, и я просто спрыгнул – высота подполья была чуть меньше полутора метров. При свете моего фонаря он уже не казался таким сырым и загадочным. Пригнувшись, я прошел с включенным прибором к фундаменту русской печи, и сразу услышал в наушниках громкий

треск.

Источником треска был в одном углу фундамента русской печи. Под ударами геологического молотка несколько кирпичей выпало, и за ними открылась полость, в которой стояло несколько больших стеклянных сосудов, наполненными кристаллами. Я подтащил их к люку, а потом засунул внутрь гильзу радиометра. Треска в наушнике больше не раздавалось, и, посветив туда фонариком, я удостоверился, что там было пусто.

Потом обошел подпол и нашел в самом его углу чугунок, – очень тяжелый, спрятанный очень хитроумным способом: он стоял под самым полом, в выпиленном для этого углублении в толстом бревне, поставленного для укрепления лаги. Весил этот небольшой чугунок килограммов десять, и, судя по всему, он был с золотом – россыпным, или монетами. В темноте я не стал этого уточнять, а поставил его рядом со стеклянными бутылками.

В горнице никого не было, я все свои находки вытащил, поставил в горнице, рядом с люком. Затем вылез сам, закрыл входную дверь на кованый крюк, и стал рассматривать свои находки.

Чугунок и вправду был с россыпным золотом, но среди песка были золотые монеты номиналом десять рублей. А в стеклянных бутылках были кристаллы аметиста, зеленый и желтый берилл, розовый турмалин и голубой аквамарин. Я достал из одной бутылки горсть самоцветов и присвист-

нул, – все они были отменного качества, хорошо ограненные и практически без трещин – идеальное сырье для гранильщиков. Размеры кристаллов были не очень большие: до пяти – семи сантиметров в поперечнике. Было ясно, что их специально отбирали, перед тем, как спрятать в тайнике. Вес каждой бутылки был килограммов около десяти, а их было три. Тяжелая была находка. Плюс к этому еще чугунок с золотом.

Теперь мне надо придумать, что мне с этим кладом делать. Он стоил, наверное, прежнему хозяину жизни, и повторять его судьбу я не собирался.

Я сходил к машине, разбудил водителя и спросил, есть у него в машине лопата. Когда он утвердительно кивнул, я сказал, что через полчаса вернусь, потом снял с себя радиометр, плащ, взял лопату, ящик от радиометра и пошел обратно. Чугунок с золотом я закопал в старом сарае поглубже, потом уничтожил все следы от своего шурфа, а кристаллы самоцветов высыпал в ящик от радиометра. Часть их не вошла, но я очень дорожил этими кристаллами и рассовал оставшуюся часть по карманам и в полевую сумку. Затем отнес в огород пустые стеклянные бутылки и поставил их у старой железной бочки.

Затем забрал кристалл розового топаза и все унес к машине. Пришлось два раза сходить, потому что унести все я не мог, а впутывать в это дело молодого парня было для меня неосмотрительным – он мог сболтнуть лишнее, не подумав и это было опасным для меня и для него.

Мы подъехали к нашему лагерю, когда уже стемнело. Ящик от радиометра я оставил в машине, с собой взял радиометр и кристалл розового топаза. С кристаллом в обнимку я заявился к нашему командиру. Он тоже любил уральские самоцветы, а когда увидел этот топаз, потерял дар речи. Это был большой, очень редкий и красивый самоцвет, и он меня от души поздравил с находкой. На звуки нашего разговора подошли остальные геологи и когда узнали, отчего так был рад наш начальник, то все начали разглядывать мою находку.

По приезду в город мы отдали розовый топаз в горный музей, где он, наверное, до сих пор лежит, радуя своей красотой посетителей. А кристаллами из стеклянных бутылей я поделился с моими друзьями, оставил только самые красивые и редкие, и люблюсь ими в одиночестве, дома.

Чугунок с золотом, наверное, лежит на своем новом месте, и я не тороплюсь стать его обладателем – это слишком рискованное и опасное приобретение.